

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Представлен историко-правовой анализ взаимного влияния террористической идеологии и народных масс во второй половине XIX в. – начале XX в. Дана сущностная характеристика идеологии терроризма с учетом определения критериев оценки уровня ее эффективности. Представлены отдельные аспекты формирования антитеррористического законодательства. Исследуются условия реализации террористической идеи в исторически сложный для России период, определяются отдельные способы противодействия террористической угрозе.

Ключевые слова: идеология терроризма; террористическое сознание; народные массы; антитеррористическое законодательство; воля; революционная деятельность.

Сущность идеологии терроризма, как и любой другой, тесным образом связана с наличием общей воли (совокупности волеизъявлений конкретных лиц). Понятие «общая воля» использовалось В.Ф. Гегелем как один из критериев оценки власти [1]. Именно общая воля в процессе революционной деятельности противопоставлялась власти государства. Общая воля, сущность которой в России вкладывалась в понятия «власть народа», «власть большинства» или даже «народный суверенитет», с точки зрения революционеров-террористов являлась первоосновой. Даже в названии некоторых наиболее значимых организаций революционно-террористического характера использовался термин «воля». Прежде всего речь идет о таких организациях, как «Земля и Воля» и «Народная Воля».

По мнению революционеров-террористов, именно общая воля должна устанавливать все производные формы власти, в том числе и государственную [2]. Совершенно очевидно, что подобные взгляды признавались государством противоправными. Террористическая идеология в России во второй половине XIX в. – начале XX в. активно использовала это сопоставление, пропагандируя необходимость установления путем террора «новой народной власти». В качестве примера можно выделить получившую широкую известность прокламацию С.М. Кравчинского «Смерть за смерть», в которой он признался в убийстве шефа жандармов Н.В. Мезенцева [3. С. 397–404]. Прокламация не только играла роль официального предостережения для государственной власти, но и определяла основные задачи Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии – террористической организации, в которой состоял С.М. Кравчинский. При этом реализация народной воли провозглашалась в качестве основной цели террористической деятельности. Похожие взгляды прослеживались в трудах П.Н. Ткачева, среди которых особое место занимала статья «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» [2. С. 143–154].

Реакция государства на террористическую угрозу следовала незамедлительно. Фактически с момента совершения первого террористического акта в 1866 г. в стране существенным образом была усилена работа правоохранительных органов по противодействию

террористическим проявлениям. Нередко она проявлялась в массовых, зачастую безосновательных арестах, что лишь увеличивало масштабы террористических проявлений. Кроме того, правоприменительная практика данного периода свидетельствует об определенной тенденции рассмотрения дел о терроризме. Государственный интерес имел первостепенное значение, а действовавшим в тот период законодательством в отдельных случаях пренебрегали. В качестве примера можно выделить представление Министерства юстиции № 243 министру внутренних дел от 7 сентября 1880 г. по делу об убийстве агента III Отделения Н.В. Рейнштейна, в котором отмечалась необходимость выбора такой инстанции для рассмотрения дела, которая была бы наиболее благоприятна для обвинения [4].

Вообще главной задачей террористической идеологии в рассматриваемый период являлась необходимость определения пути из старого несправедливого мира к миру нового порядка. Признавалось, что движение по этому пути может не лежать в плоскости права и не отвечать общепринятым нравственным началам, что весьма схоже с революционной идеологией. На наш взгляд, следует согласиться с мнением И.А. Исаева, который сделал предположение, что «революция тем самым открывала широкий путь из старого мира необходимости через временный хаос к новому миру свободы» [5. С. 36]. Проблема заключалась лишь в том, что во второй половине XIX в. в России лица, которым удалось бы таким способом установить новую власть, не знали, что с ней делать, как управлять обществом и государством. В этой связи идеология, помимо воли, должна была иметь еще и принципы. В контексте террористической идеологии принципы представляли собой идеальные основополагающие начала, не требующие разъяснения и принимаемые за основу. Суть идеологической пропаганды состояла в распространении террористических принципов и революционной воли с целью привлечения новых сторонников. Чем больше их число, тем крепче идеология.

Следует отметить, что не всегда идеология терроризма в России основывалась как на общей воле, так и на принципах. Изменение общественного сознания в условиях революционных преобразований в России приводило к регулярным провалам уровня общей во-

ли. Реакция государства на совершенные теракты с течением времени ужесточалась, а действия правоохранительных органов становились более эффективными ввиду приобретения опыта борьбы с террористическими проявлениями, что на время уменьшало число идейных сторонников терроризма. Постепенно формировалось и антитеррористическое законодательство. Так, 19 мая 1871 г. был принят закон «О порядке действий чинов Корпуса Жандармов по расследованию преступлений», передававший жандармам производство дел о государственных преступлениях, к которым в тот период относились дела о терроризме [6]. Следует отметить, что до принятия этого нормативного правового документа дела о терроризме рассматривались в строгом соответствии с положениями Судебных уставов 1864 г. Такое изменение порядка судопроизводства преследовало цель сокращения сроков следственных действий, однако, на наш взгляд, приводило к серьезному снижению качества проведения дознания и следствия, поскольку жандармы в тот период не располагали необходимым для такой работы уровнем квалификации и, как правило, не имели юридического образования.

7 июня 1872 г. была принята Высочайше утвержденная новая редакция статей 1030–1061 Устава Уголовного Судопроизводства «О судопроизводстве по государственным преступлениям», учреждавшая для расследования дел о терроризме, а также иных наиболее важных государственных и политических преступлений специальную государственную структуру – Особое присутствие правительствующего Сената [7]. Этот нормативно-правовой документ позволил изъять большую часть политических дел из общего порядка судопроизводства и передать созданному органу. Деятельность Особого присутствия не всегда находилась в плоскости права: многие дела расследовались с серьезными нарушениями действовавшего в тот период законодательства. Обозначенный закон от 7 июня 1872 г. также разрешал проведение судебных заседаний в закрытом порядке, а также не допускал возможности обжалования приговоров. Кроме того, 4 февраля 1875 г. был принят указ, запрещающий публиковать в печати материалы закрытых судебных заседаний: позволялось излагать лишь резолютивную часть судебного процесса [8. С. 311]. Таким образом, формирование антитеррористического законодательства во второй половине XIX в. в России осуществлялось в направлении использования все более жестких мер государственного принуждения и создания для террористов максимально неблагоприятных условий существования.

12 февраля 1880 г. был принят указ «Об учреждении в Санкт-Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [9]. Этот государственный орган сыграл настолько существенную роль в формировании антитеррористического законодательства и противодействии идеологии терроризма в России, что для ее освещения необходимо отдельное исследование. В целом, в 1880 г. в России наблюдался процесс сосредоточения властных полномочий по

расследованию государственных преступлений, в том числе дел о терроризме, в руках Верховной Распорядительной Комиссии [10].

В условиях острой конфронтации с государством и ужесточения антитеррористического законодательства революционеры-террористы были вынуждены прибегать к новым актам террора для того, чтобы сохранить свою силу и способность влиять как на власть, так и на общество. Подобные действия, безусловно, оказывали влияние на массы, повышая уровень общей воли, но при этом происходило пренебрежение принципами, провозглашенными террористической идеологией. Целесообразность применения терроризма как крайней и вынужденной меры подверглась сомнению, поскольку террор стал использоваться в тех случаях, когда его действительно можно было избежать. Революционная среда подверглась изменениям, прежде всего, в плане осмысления сущности своей деятельности. Происходила постепенная общественная легализация насильственных действий и, как следствие, искажение взглядов на право. Чем дальше реализовывалась террористическая программа, тем дальше отступали ее исполнители от закона. Наиболее наглядно это проявилось в начале XX в., когда террор в России принял массовые формы. Безграничное стремление к противостоянию с властью, а впоследствии и к ее свержению, привело к тому, что провозглашаемые революционерами-террористами идеи искажались или совершенно по-иному интерпретировались. Уже к началу XX в. на первый план вышла борьба с самодержавием как процесс, а идеология терроризма упростилась до банального устрашения власти.

Появление терроризма в России являлось следствием целенаправленного поиска средств борьбы с властью. В революционной обстановке постепенно назревала необходимость получения или выработки такого средства. При этом революции, которая пыталась опираться на массы, были жизненно необходимы большие количественные показатели в части, касающейся наличия своих сторонников. На наш взгляд, здесь был заложен один из важных российских революционных принципов, повлиявший на необходимость формирования идеологии терроризма, – уверенность в правоте большинства. Воля масс должна была реализовывать революционный курс, постепенно приобретая форму особой надстройки над правом. Поддержка многих зачастую являлась основным критерием достоверности поставленных целей и задач. Следует также отметить, что революционеры-террористы умело облекали волю многих в волю народа, а террор провозглашали главным средством достижения целей этого народа. Такое положение вещей не могло не способствовать развитию идей террора как наиболее эффективного средства устрашения государственной власти и пропагандистского влияния на массы. Тем более что в этот период путь от идеи к действию был максимально коротким.

Следует согласиться с мнением О. Кошена, что революционные программы вкладывали в понятие «народ» особый смысл [11]. В частности, происходило замещение реальных народных масс отдельными

общественными группами посвященных, присвоившими себе право именоваться народом. Такое положение вещей являлось типичным для революционной обстановки в России во второй половине XIX в. Действительно, большая часть народных масс в России была безграмотна и, как правило, не желала вникать в суть революционной деятельности, развернутой на территории страны. В результате революционеры были вынуждены общаться с довольно ограниченным кругом людей, следивших за развитием социально-политической обстановки. При этом именно террористическая деятельность, которой занимались некоторые революционные структуры, выполняла функции пиара и пропаганды, поскольку распространение сведений среди населения о совершенном отдельной организацией террористическом акте всегда было эффективным. Именно представители «народа» из числа посвященных могли оказывать и оказывали на массы выгодное для революционеров-террористов манипулятивное воздействие.

Безусловно, опора на массы являлась одним из главных критериев успешного распространения террористической идеологии, имевшей во второй половине XIX в. ярко выраженную революционную окраску. Важным критерием стабильного существования массы, на наш взгляд, являлось применение принципа связности. Непрерывающееся соперничество одной массы с другой приводило к их обоюдному укреплению. В нашем случае сторонникам революционных преобразований, из которых формировались террористические ячейки, противостоял аппарат государственного принуждения, который во второй половине XIX в. – начале XX в. скорее подстраивался под революционные обстоятельства, чем выработывал свой курс по противодействию терроризму. Малоэффективная работа правоохранительных органов предоставляла террористам возможность приспосабливаться к общественно-политической и правовой действительности, совершенствовать свои методы работы. В частности, запрет на сборы в библиотеках и читальнях вынудил представителей революционных, а впоследствии и террористических организаций укрепить меры безопасности и конспирации в части, касающейся выбора мест проведения своих сборов. Следует отметить, что подобные действия властей наблюдались еще до совершения первого в России террористического акта – покушения на Александра II 4 апреля 1866 г. Так, 7 июня 1862 г. с целью пресечения возможности распространения нежелательных для государственной власти учений был принят Указ «О закрытии всех учрежденных при войсках воскресных школ и вообще всяких училищ для лиц, не принадлежащих военному ведомству, и о недопущении впредь никаких сборищ посторонних людей в зданиях, занимаемых войсками» [12]. Материалы переписки руководителей правоохранительных ведомств за 1864–1866 гг. также свидетельствовали об ужесточении полицейского надзора за местами сбора людей [13. Л. 11].

В качестве примера приспособления террористов в дореволюционной России можно привести отношения с печатью. Выстроенный механизм контроля со сто-

роны государства за периодическими изданиями позволял революционерам-террористам проводить агитационно-пропагандистскую работу фактически с судебной скамьи, поскольку материалы судебных процессов по делам о государственных преступлениях и терроризме публиковались на страницах журналов и газет [14]. Последующее ограничение публикации таких материалов привело к изменению тактики революционной и террористической пропаганды и увеличению масштабов подпольной печати.

По нашему мнению, при относительно равном взаимном влиянии террористических масс и органов правопорядка выстроить эффективный правовой механизм противодействия терроризму практически невозможно. Единственное условие искоренения терроризма – неравновесное противодействие, в рамках которого применяемые со стороны государства силы и средства значительно превосходили бы величину террористической угрозы. Приспособление к внешней силе является стратегической способностью любых масс. Устранив этот фактор, можно дестабилизировать обстановку внутри террористической ячейки, и она с течением времени сама распадется и прекратит свое существование. Подобным образом можно в короткие сроки снизить величину террористических проявлений до такого уровня, когда террористы уже не могут представлять угрозу для государства. На наш взгляд, в рассматриваемый период такая работа не была доведена государством до своего логического завершения, однако определенные достижения все же присутствовали. Прежде всего, можно выделить период конца 1870-х – начала 1880-х гг., когда в России был сформирован определенный массив нормативных правовых документов по вопросам борьбы с терроризмом, а также проводилась работа по реформированию старых и созданию новых органов правопорядка. В 1860–1870 гг. деятельность органов правопорядка носила односторонний характер, который выражался, как правило, в ужесточении репрессивных мер по отношению к террористам и лицам, подозреваемым в террористической деятельности. Государство в большей мере боролось с терроризмом как с одним из видов преступлений, а не как с явлением. Следует отметить, что физический разгон террористических масс не искоренял проблему, поскольку приводил к устранению лишь внешних проявлений. В результате внутри массы наблюдалось сплочение людей вокруг общей проблемы, а террористическая ячейка снова укреплялась и с течением времени находила новый способ реализации своих замыслов.

Поддержка народа имела для идеологии терроризма решающее значение. При совершении террористического акта факт применения насилия можно было оправдать исключительно поддержкой народа, при этом оценки правомерности совершенного деяния уже не требовалось. Именно так революционеры-террористы пытались найти моральное или нравственное оправдание, позволявшее им освободиться от бремени закона для достижения своих целей. По мнению Р. Кайуа, их вдохновляла идея получения власти через победу революции, после чего можно

будет сформировать «новое общество с новыми нравами и законами» [15. С. 268]. Впоследствии практика применения таких ультрареволюционных методов борьбы, как терроризм, привела к некоторому переосмыслению взглядов революционеров-террористов. Убийство Александра II показало, что часть народа, поддерживавшая идеи терроризма, после физического устранения царя впала в состояние растерянности и непонимания, какие последствия ожидают страну, которая планирует развиваться на революционных принципах с использованием террористических методов. Но вместе с тем совершенно очевидно, что террористическая деятельность не могла существовать и развиваться без поддержки общества. Наличие сторонников терроризма, а также террористических кружков и организаций – исключительное условие реализации террористической идеи.

На наш взгляд, одним из наиболее эффективных способов противодействия террористической массе в России являлся подрыв ее функционирования изнутри. Сущность этого способа заключалась во внедрении в террористическую среду лиц, которые аккуратно и последовательно должны проводить работу по идеологической обработке массы и формированию в ее среде совершенно новых ориентиров, не имеющих отношения к терроризму. Конкретные шаги в этом направлении в России были сделаны 3 декабря 1882 г., когда было утверждено Положение «Об устройстве секретной полиции в Империи» [16]. 20 декабря 1883 г. на основании Положения «Об охранной агентуре» в России нормативное закрепление обрела охранная агентура [17]. В дальнейшем свое организационное оформление получила и секретная агентура, которая в обозначенном вопросе имела ключевое значение. Секретной агентурой в том или ином виде органы правопорядка пользовались достаточно продолжительное время, в связи с чем существовало значительное количество нормативных правовых документов, регулирующих порядок ее использования. Наиболее полное закрепление отношений с секретной агентурой было представлено в Инструкции по организации и ведению внутреннего секретного наблюдения [18]. Следует отметить, что в большей мере результаты проводимой работы выражались не в проведении акций скрытого воздействия на террористов, а в получении упреждающей информации об их планах и замыслах. Безусловно, такая работа приводила к достижению полезного эффекта, однако этот результат лежал в плоскости пресечения преступления, а не его окончательного искоренения. Требовалось время и опыт для осознания необходимости идейного противоборства с терроризмом.

Другой способ внутреннего разложения террористической массы лежит в плоскости понимания основ ее формирования как таковой. Опорной системой любой массы является цель или идея, для достижения которой эта масса и образуется. Если цель достигнута, то необходимость в дальнейшем существовании массы исчезает, и она самостоятельно распадается. На наш взгляд, для победы над террористической идеологией государству в рассматриваемый период было

необходимо пойти на компромисс с терроризмом, в ходе которого четко и ясно продемонстрировать сторонникам терроризма, что их цели достигнуты. При этом совершенно неважно, что эта цель будет искажена, иногда даже до неузнаваемости, или не реализована в том виде, в каком была изначально заявлена. Главная задача государства заключается в том, чтобы показать обществу в целом и террористам в частности, что их требования учтены, результат достигнут, и последующая деятельность террористов в таких условиях оказывается бессмысленной. В таком случае государство разрешает конфликт с терроризмом, используя элементы управления обществом в выгодном для себя виде. Если террористическая деятельность будет продолжена, то используемые государством карательные меры будут не только лежать в плоскости права, но и нравственно будут оправданы обществом. В России во второй половине XIX в. – начале XX в. подобный механизм не был задействован. Деятельность правоохранительных органов была основана на применении мер государственного принуждения в условиях их последовательного ужесточения. На наш взгляд, в условиях развития революционной ситуации государство совершило стратегическую ошибку, используя на начальном этапе борьбы с терроризмом исключительно карательный механизм.

Наибольшую обеспокоенность, на наш взгляд, должна вызывать возможность значительного отдаления реализации террористической идеи. Когда цель может быть достигнута в долгосрочной перспективе, то приобретает особое значение не ее достижение, а процесс движения к ней. Подобный принцип использовался практически во всех религиях, которые переносили возможность достижения цели даже в область потусторонней жизни. В таком случае идея превращалась в веру. Если подобную методiku принимала террористическая идеология, то борьба с ней становилась крайне затруднительной. В начале XX в. подобные усмотрения были отражены в идеологических платформах некоторых террористических организаций [2]. С определенными поправками к их числу можно отнести анархическую идею, конечной целью которой являлось установление свободы личности, не ограниченной ни со стороны государства, ни со стороны общества.

Существенное значение для понимания сущности рассматриваемого вопроса имел тот факт, что в период своего оформления (вторая половина XIX в.) террористическая идеология создавалась исключительно в закрытых условиях. Сам факт негласной деятельности террористов развивал в ее участниках ощущение избранности и исключительности. При этом усилия государства по пресечению таковой деятельности лишь способствовали укреплению влияния террористов сначала в подпольной среде, а впоследствии и в народе. Чем сильнее государственная реакция, тем крепче акцент на «особом» статусе террористов. Следует согласиться с мнением И.А. Исаева, который считал, что «репрессии, направленные против таких сообществ, только увеличивают их популярность и влияние» [19. С. 5]. С момента зарождения первой

мысли о совершении теракта все подобные идеи покрывались максимально возможной тайной. Такое положение вещей весьма закономерно и не требует излишних комментариев и конкретизации. Идеология терроризма могла сформироваться только в условиях соблюдения строгой дисциплины со стороны субъектов этой деятельности, неукоснительного соблюдения внутренних правил, особых принципов и норм общения. Конспиративные начала зародились фактически одновременно с появлением первых террористических организаций в 1860-х гг., а впоследствии развивались и совершенствовались. К концу 1870-х гг. – началу 1880-х гг. основы конспирации стали в обязательном порядке закрепляться в программах террористических организаций. Так, в уставе «Земли и Воли» отмечалось, что во время следствия член организации в обязательном порядке не должен давать показания,

а во время судебного заседания «руководствоваться интересами дела, а не личными» [20. С. 89]. Подобный тезис имелся и в уставе Исполнительного комитета «Народной Воли», причем запрещалось вообще признавать свою принадлежность к этой организации.

Следует отметить, что правоохранительным органам все же удавалось выявлять места пребывания террористов независимо от реализуемых ими мер безопасности и конспирации. Так, 18 сентября 1880 г. был принят Циркуляр земской управы Петербургского уезда, позволявший санитарным попечителям совместно с сотрудником полиции осуществлять проверку жилых помещений рабочих под предлогом определения площади помещения и установления санитарных условий проживания в них [21]. Таким способом можно было осуществлять контроль мест проживания лиц, подозреваемых в террористической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель В.Ф. Политические произведения. М., 1978. 438 с.
2. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. 576 с.
3. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1997. 576 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1–2.
5. Исаев И.А. «Свет» и «тьма»: разум и воля // История государства и права. 2014. № 6. С. 35–42.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 46. Отд. 1. № 49615. С. 591–594.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 47. Отд. 1. № 50956. С. 808–812.
8. Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб., 1883. 548 с.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 569. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1–5.
10. Колотков М.Б. К вопросу об охране общественного порядка в Российской империи в 1880 г. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2014. № 1. С. 19–24.
11. Кошен О. Малый народ и революция. М., 2004. 288 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 37. № 38346. С. 517.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 213.
14. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978. 335 с.
15. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М., 2007. 304 с.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 977. Л. 9–10.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1883 г. Д. 1131. Л. 6–11.
18. Из глубины времен. 1992. № 1. С. 71–83.
19. Исаев И.А. Новый порядок и принуждение // История государства и права. 2014. № 7. С. 3–9.
20. Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли». Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. М., 1930. 456 с.
21. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 224. Оп. 1. Д. 479. Л. 1.

Статья представлена научной редакцией «Право» 30 ноября 2014 г.

THE CONCEPTIONAL BASES OF THE TERRORIST IDEOLOGY IN RUSSIA (SECOND PART OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 123–128. DOI 10.17223/15617793/392/22

Kolotkov Mikhail B. Military Unit No. 44014 (St. Petersburg, Russian Federation) E-mail: mkolotkov@yandex.ru

Keywords: ideology of terrorism, terrorist consciousness; people's masses; anti-terrorism legislation; revolutionary activity.

The analysis of the mutual influence of the terrorist ideology and people's masses is represented in the article. The main point of the terrorist ideology as any other is in close connection with the presence of general will (a complex of concrete persons' wills). General will, the main point of which has been put in such notions as "people's authority", "majority's authority" or even "people's sovereignty", was fundamental from the revolutionary terrorists' point of view. The terrorist ideology also used this comparison in Russia in the second part of the 19th – early 20th centuries, propagandizing the necessity of the establishment of the so-called "new people's authority" with the help of terror. The main purpose of the terrorist ideology in the period under review was the necessity of determining the way from the old unfair world without rights to the world of a new order. One of the most important Russian revolutionary principles which had an influence on the necessity of the terrorist ideology formation is the confidence in the majority's rightness. Masses' will had to realize the revolutionary course, little by little becoming a special superstructure above law. Revolutionary terrorists presented the majority's will as the people's one, and proclaimed terror as the main means to achieve the people's aims. It is practically impossible to create an effective legal mechanism of opposition to terror, if there is a nearly equal mutual influence of terrorist masses and law order. The only condition of the eradication of terrorism is inequitable opposition, in frames of which means and forces of the State exceed considerably the size of terrorism threat. The adaptation to the outer force is any masses' strategic ability. Removing this factor can destabilize the situation inside of a terrorist cell, and in time it will come apart itself and will not exist. One of the most effective ways of opposition to the terrorist mass was detriment of its functioning inside. The main points of this way was introduction of persons, who carefully and consecutively had to use ideology to make masses form new reference-points which were not connected with terrorism. It could be achieved in Russia in the 1880s, when relations between the law and order bodies and

the secret service were formed. The fact that the terrorist ideology in the period of its formation (the second part of the 19th century) was in close conditions can help to understand the main points of the issue. The State actions against such a kind of activity only favored terrorists' influence in the underground environment, and later among people.

REFERENCES

1. Hegel G.W.F. *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 438 p.
2. Budnitskiy O.V. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografyakh, issledovaniyakh* [The history of terrorism in Russia in the documents, biographies, studies]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1996. 576 p.
3. Rudnitskaya E.L. (ed.) *Revolutsionny radikalizm v Rossii: vek devyatnadsatyy* [Revolutionary Radicalism in Russia: the nineteenth century]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1997. 576 p.
4. The State Archive of the Russian Federation. Fund 94. List 1. Archival Unit 53. Pages 1–2.
5. Isaev I.A. "Lux" and "tenebris": mind and will. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*, 2014, no. 6, pp. 35–42. (In Russian).
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 46. Pt. 1, no. 49615, pp. 591–594.
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 47. Pt. 1, no. 50956, pp. 808–812.
8. *Uzakoneniya, izdannye v pyasnenie i dopolnenie k sudebnym ustavam 20 noyabrya 1864 g.* [Regulations published in clarification and addition to the judicial statutes of November 20, 1864]. St. Petersburg, 1883. 548 p.
9. The State Archive of the Russian Federation. Fund 569. List 1. Archival Unit 31. Pages 1–5.
10. Kolotkov M.B. To the Matter of the Maintenance of Public Order in the Russian Empire in 1880. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya i pravo – Proceedings of the Southwest State University. History and Law*, 2014, no. 1, pp. 19–24. (In Russian).
11. Cochin A. *Malyy narod i revolyutsiya* [Small people and the revolution]. Translated from French by O.E. Timoshenko. Moscow: Ayris-press Publ., 2004. 288 p.
12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 37, no. 38346, p. 517.
13. The Russian State Historical Archive. Fund 1282. List 1. File 213.
14. Troitskiy N.A. *Bezumstvo khrabrykh. Russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma. 1866–1882 gg.* [Madness of the brave. Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism. 1866-1882]. Moscow: Mysl' Publ., 1978. 335 p.
15. Caillois R. *Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Man, Play and Games. Articles and essays on the sociology of culture]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: OGI Publ., 2007. 304 p.
16. The State Archive of the Russian Federation. Fund 102. 3rd Record. 1882. File 977. Pages 9–10.
17. The State Archive of the Russian Federation. Fund 102. 3rd Record. 1883. File 1131. Pages 6–11.
18. *Iz glubiny vremen*, 1992, no. 1, pp. 71–83.
19. Isaev I.A. New order and coercion. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*, 2014, no. 7, pp. 3–9. (In Russian).
20. *Arkhiv "Zemli i Voli" i "Narodnoy Voli". Vospominaniya, issledovaniya, dokumenty i drugie materialy iz istorii revolyutsionnogo proshlogo Rossii* [The archives of Zemlya i Volya and Narodnaya Volya. Memories, studies, documents and other materials from the history of the revolutionary past of Russia]. Moscow, 1930. 456 p.
21. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 224. List 1. File 479. Page 1.

Received: 30 November 2014